

МЕЛОДИИ, ПИТАЕМЫЕ ЖИЗНЬЮ

Песня и жизнь нерасторжимы. Вся история советской песни — это история страны, история будней и подвигов народа, история становления, развития, расцвета нашей Родины. Песня стала неотъемлемой частью нашей культуры, нашего музыкального искусства, как говорил А. В. Луначарский, «жизненно необходимым музыкальным хлебом».

Что же происходит сегодня в этой сфере? Почему столь часто жанр становится объектом критических статей и высказываний и в адрес создателей произведений, и в адрес их пропагандистов-исполнителей?

Мне представляется не очень правомерным столь категоричное деление песни на массовую и эстрадную, как это делают во многих устных и печатных выступлениях, на совещаниях, дискуссиях, пленумах. Думается, грани здесь несколько стерлись, как стерлись границы между песней гражданской и лирической. В самом деле, сколько можно назвать произведений, где высокая патриотическая, гражданская тема изложена в лирическом ключе, изложена очень задумчиво. Предположим, интимнейший разговор в «Подмосковных вечерах» В. Соловьева-Седого одновременно выражение горячей, неисчерпаемой любви к родной земле, к Отчизне; задевают душу каждого «Журавли» Я. Френкеля, потому что советские люди глубоко чтят подвиг «невернувшихся с полей солдат». Чтят и преклоняются перед их героизмом; они носят свои чувства глубоко в сердце как самое сокровенное. Образ этой песни, ее музыкально-поэтическая символика, как и песни «За того парня» М. Фрадкина, потому так близки и дороги буквально миллионам, что в ней точно переданы эти мысли, чувства, переживания. А как великолепно, мастерски в цикле «Отчизна» (на стихи Н. Добронравова) А. Пахмутова «сплавил» все краски — и героичку, и лирику, и патетику.

Да, гражданственной, патриотической песней может быть величально-торжественный гимн и философское раздумье, драматически напряженный монолог и лирическая исповедь. И дело, наверное, не в том, какой ключ избран автором, какой язык, какие средства музыкальной выразительности. Я думаю, как в любой области художественного творчества, здесь действуют такие же законы и критерии — талантливо и серьезно, высокоидейно, содержательно и пусто; оригинально, самостоятельно и слепо следуя «моде», подражательно.

В моем представлении «советская песня» — синоним гражданской. Однако гражданственность, патриотизм — отнюдь не призывы, лозунги, зафиксированные с помощью нотных знаков. Это понятие емкое, включающее огромный мир сюжетов, образов, тем, требующих для своего воплощения правдивости, глубины и чистоты чувств. Нельзя говорить о любви к народу, к стране, к делам, свершаемым на ее земле формально, без вдохновения, без горячей мысли, сердечно-го волнения, без ощущения личной сопричастности тому, чем живет весь народ. Без этого произведение становится рассудочным, помпезным.

Есть у этого жанра одно поразительное свойство: по прошествии времени песня способна воспроизвести содержание, смысл, пафос минувших лет. История, которую не уложишь в многотомные исследования, поведана

здесь в простых мелодиях и словах, повествуя о происшедшем новым и новым поколениям. А что сегодняшняя песня расскажет нашим потомкам?

Как-то мне попало на глаза высказывание в прессе молодого и весьма популярного сейчас композитора Вячеслава Добрынина. «Цель жизни моего поколения, — писал он, — созидание. Этот прекрасный процесс рождает в человеке оптимизм, вызывает дерзкие и прекрасные замыслы, вселяет надежды. Такое настроение в музыке должно выражаться соответствующими мелодиями и ритмами. Я вижу современную патриотическую песню энергичной, импульсивной... Жизнь и стремления наших современников лучше всего отражаются в музыке современными ритмами. Песня, мне кажется, должна быть зажигательной. Пусть даже она будет в ритме, который принято называть танцевальным, ну, допустим, в ритме «диско» — если этот ритм соответствует содержанию песни — значит песня удалась».

Трудно было бы возразить против того, что риторика, ложный пафос, ложная патетика противопоставлены в искусстве, и прежде всего в патриотической песне. Не вызывает сомнения, что она должна быть яркой, импульсивной, «зажигательной». Не возможно не заметить и горячую увлеченность молодежи стилем «диско». И я все же не зачеркиваю этот стиль (мне он очень нравился и быстро надоел), не считаю, что его надо придать «анафеме» как растлевателя вкусов молодых. Однако очень узки его выразительные возможности применительно к песенному жанру!

Ведь во все времена у всех народов музыка песни ценилась прежде всего за ее мелодию — она главенствовала здесь так же, как в танце, ритм. А сейчас ритм — «король» песни, и она в большинстве случаев не поется, а танцуется. Ритм заменил все краски: громко, быстро, напористо, зазывно — вот все признаки «зажигательности». Почему же надо довольствоваться столь малым? В жизни все строится на контрастах: свет и тьма, день и ночь, зима и лето, жара и мороз. И настроения, переживания обязательно контрастны — нельзя же всю жизнь только радоваться, только смеяться, только танцевать! А в модном песенном течении «как-то все на одной прямой, на одном градусе. Отсюда мне кажется, болезни, беды и недолговечность его — от скучного, надоедливое единообразия.

Я часто слышу недоуменный вопрос: почему мои концертные выступления стали реже? Мне уже приходилось отвечать на него, но позволю себе повториться: со старым репертуаром появляться не хочется, новый же, тот, который мощным потоком вырывается на эстраду, — песни, построенные на четырех-пяти нотах и стольких же аккордах, написанные непременно в четырехдольном размере, потому что все остальные изъятые из авторского обихода как неуживые, устаревшие (почему? Разве в ритме, темпе, тональности заложены современные или несовременные краски!), — такой репертуар мне как исполнителю неинтересен. И не только из-за узости вокального диапазона, хотя и это весьма существенно, но, главное, из-за бедности их художественно-образной выразительности, бедности творческой фантазии авторов этих произведений. В угоду «моде» ломать свой голос, отка-

зываться от него, подделываться под чужой стиль просто не хочется, не стоит.

В этой связи хотелось бы высказать одну, может быть, несколько спорную мысль. Многие наши вокально-инструментальные ансамбли, наши певцы усиленно осваивают модный стиль, подделываются под псевдонегритянские тембры голосов и специфическую манеру пения, заимствуют у прославленных зарубежных артистов и коллективов характер поведения на сцене и, чуть познав их «секреты», пытаются завоевывать, удивлять публику не только в наших залах, но и выезжая со «шлягерными» номерами в зарубежные гастролы. Неудивительно, что эффект там минимальный: ведь от советских артистов

Муслим
МАГОМАЕВ,
народный артист СССР

публика за рубежом ждет много — ждет самобытных, оригинальных, характеризующих именно нашу культуру программ и артистов. Своими они пресыщены. Не зря там пользуются большим успехом наши национальные коллективы, народные инструменты, народные песни, танцы.

В моем понимании и в моем восприятии эстрада — очень серьезное искусство, требующее знаний, профессиональной культуры, мастерства. За нее нужно бороться, рдесть, бороться! И так же, как в классике есть серьезные жанры и легкие, так и здесь нужны серьезные и легкие песни, инструментальные пьесы. Причем именно легкие, развлекательные, без подмены этих понятий неполноценностью, невзыскательностью. Напротив, я твердо убежден: в легкой музыке, в броской эстрадной песне мастерство, профессиональная культура, вкус насыщают необходимые в силу ее большей доступности и быстрой распространенности. Что говорить, это очень трудно! Авторам, работающим в жанре песни, хорошо известно, что написать хорошую песню подчас труднее, чем сочинить произведение сложного, крупного жанра. Над ней сидишь порой 2—3 месяца, и нет никакой уверенности, тем более гарантии, что лесно примут, запоят. Это очень трудно!

Если уж на то пошло, то и эстраде исполнителю я это испытал на себе, труднее, чем оперному певцу: последний возьмет эффектную ноту или умопомрачительную фразу, и аудитория неистовствует от восторга. А эстрада требует непререкаемой «мобилизованности», полной отдачей чувств и чувств настоящих, не сыгранных, не сделанных, а понстине пережитых. Песня ошибок не терпит, неправды не прощает. Все фальшивое, наигранное, банальное здесь мгновенно себя обнаруживает: не за что спрятаться. Хотя непосвященные в «секреты» эстрады считают микрофон ширмой, за которой можно скрыть недостатки, на самом же деле наоборот: микрофон беспощадно обнажает и удваивает, утраивает огрехи. Он помощник хорошему певцу, а плохому, мало профессиональному — злейший враг.

И композиторам трудно в песне «обмануть»: сколько бы ни старались иные авторы прикрыть злободневной темой художественные слабости, у них не получается. Сегодняшняя аудитория совершенно нетерпима к фальши,

надуманности — она мгновенно ее распознает. Тем важнее и создателям песни, и исполнителям обладать умением чувствовать, что близко людям, что дорого, особенно молодежи, но не поверхностное, наносное, а глубинные процессы. Чувствовать, понимать, отражать в своем творчестве.

Однако не всегда авторы произведений и исполнители виноваты в «усеченности» нынешней песенной эстрадной панорамы. Многие определяют и пропагандирующие организации, средства массовой информации, делающие «рекламу» песням и их интерпретаторам. От того, насколько часто звучат по радио и телевидению песенные программы, как формируется репертуар, с какой периодичностью повторяют лучшие произведения, точнее, достойные, зависит «массовость» того или иного опуса, популярность артиста. А, на мой взгляд, появилась талантливая, хорошая песня, и ее надо с упрямой настойчивостью, систематически включать в передачи, чтобы она звучала, чтобы молодежь знала, чтобы в мелодию, запомнилась. Тогда песня будет подхвачена, войдет в быт, сыграет свою художественно-эстетическую роль. А когда в радиоприемных телевизионных конкурсах из двух десятков произведений, как правило, трудно отличить друг от друга, предлагается выбрать «лучшее» и на орбиту попадает, в результате подсчета голосов, далеко не самое талантливое, яркое, художественно полноценное, задача воспитания вкусов молодежи вряд ли решается.

К сожалению, подобное происходит и с популярной эстрадой исполнителей. Я не очень уверен, что стоит в таком «массовом» варианте тащить в эфир и на экран ансамбли, певцов совсем непрофессионального уровня. Увлечение музидированием, широко охватившее юношей и девушек, — радостное явление — желание петь, играть в основном на электро- и ударных инструментах. И то, что теперь уже едва ли не в каждой школе, в каждом клубе, если не в каждом жэке, есть свои ансамбли, свои певцы, само по себе положительное явление. Хотя, создавая их, наверное, стоило бы подумать, как оказывать им помощь, как творчески направлять. Иначе все положительное окажется переценурным, и появится серьезнейшая проблема: как воспитать изнутри культуры, вкуса, интеллекта? А главное, чрезмерно легкое попадание подобных, пока еще далеких от подлинного искусства коллективов, ансамблей, солистов в эфир и на экран рождает уверенность, что эстрада — уютный уголок: умеешь поддериживать струны, бить по ударным, умеешь приплясывать и изображать «негритянскую» хрипотцу, мужчинам пользоваться тесситурой высоких женских голосов, а женщинам — низких мужских — значит и ты можешь стать эстрадной «звездой». Отсюда и громкость чрезмерная, и развязное поведение на сцене — все это взамен профессиональных навыков, умения, артистичности.

Мне думается, будь отношение к эстраде более серьезным, внимательным, более заботливым со стороны учреждений, которые пропагандируют музыку, организуют музыкальную жизнь страны, будь требовательнее к себе и сами деятели эстрады, подходя к ней как к очень серьезной, важной, ответственной области художественного

творчества, не было бы повода для больших тревог.

Ведь если оптимистически взглянуть, все у нас есть: есть талантливейшие композиторы, замечательные мастера жанра, которые сочиняют яркие по почерку, по манере письма, по образному языку очень современные и идейно содержательные произведения (достаточно вспомнить песни последних лет хотя бы Александры Пахмутовой, Давида Тухманова, мне по душе многие произведения Евгения Мартынова). У нас есть молодые одаренные эстрадные певцы, среди них Алла Пугачева, Ирина Понаровская, Яак Иоала, Заур Тутов. Все они очень разные и по опыту, и по почерку. Каждому из них наверняка кто-то может предъявить претензии. Можно соглашаться и не соглашаться с какими-то приемами в их исполнительской палитре, с деталями интерпретации того или иного произведения. Но каждый из них индивидуален, каждый творит на эстраде, каждый старается ставить серьезные художественные задачи, каждый из них — профессионал.

И наши лучшие ансамбли — белорусские «Песняры», «Ариэль» из Челябинска, московские «Самоцветы» — я ценю в них стремление к самостоятельности, поиски своего пути: «Самоцветы» принципиально придерживаются только советского песенного репертуара, работают с известными уже авторами над новыми произведениями, ищут талантливую композиторскую молодежь. Не все получается? Ну и что же, в искусстве не бывает без просчетов, ошибок. «Песняры», «Ариэль», грузинский «Орэра», азербайджанский «Гая» показывают примеры плодотворности сближения фольклора с современной популярной музыкой, процессы естественного взаимопроникновения элементов народной речи и эстрадной, что характеризует современный стиль «кантри».

Мне самому пути советской эстрадной музыки видятся рядом с классической — развитая форма, развитая мелодия, интересное инструментальное сопровождение, подобно песням А. Пахмутовой «Как молоды мы были» и М. Минкова «Не отрекаются, любя». Они мне очень нравятся.

Найти свою песню, найти себя в ней — одна из серьезных задач в искусстве эстрадного певца. Необходим репертуар разных стилей, почерков, манер. К слову сказать, с моей точки зрения, весьма полезными могут стать здесь переложения классической музыки, аранжировки их в современной манере, ни в коей мере не искажающие суть, образный строй шедевров классики, но помогающие расширить диапазон художественных интересов и привязанностей молодых слушателей и обогащающие творческую палитру эстрадных исполнителей. Само собой разумеется, это не репертуар всей классики, а всего лишь один из путей, по которым можно уйти от наскучившего единообразия.

Надо думать, надо искать, надо проникнуться серьезностью задач и ответственностью за судьбы нашего песенного искусства. Как сказала однажды Александра Николаевна Пахмутова, песня требует пожизненной верности и пожизненной смелости. Ее словами мне хочется закончить свои размышления о судьбах жанра. Побольше бы художников, способных проявлять в песне пожизненную верность и пожизненную смелость!